

- Когда Лизонька родилась, мы буквально плясали от счастья. Здоровенькая, крепенькая и такая сияющая, - Ольга сглотнула, очередной раз вытирая слезы: - Хотя врачи мне говорили, что я никогда не смогу иметь детей. Она для нас была чудом. Муж в дочке души не чаял, таких отцов еще поискать.

Я поглядел в сторону от беседки, где Лиза вместе с детворой резвилась с щенками волков, приведенными Белис для эмоционального раскрепощения и тех, и тех. Сад уже выглядел тем, чем должен был быть, остались небольшие доделки, но гномы уже не виделись. Лишь приглушенные звуки работы изредка доносились до нас. Растения быстро прижились и уже даже цвели, на плодоносящих деревьях завязывались плоды, а кое-где в травке гуляли зайчики и ежики. Даже соловей завелся среди кроны, напевая свои мелодичные трели.

- А потом Лизонька заболела, мы сначала думали, что ОРВИ, врачи выписали лекарства, но через несколько дней ей не полегчало. Тогда диагностировали воспаление легких, выписали новые лекарства, но опять ничего не изменилось. И нас отправили в центр, там взяли кучу анализов, и через три дня нас уже везли в Москву, где зачитали приговор: ранее неизвестное заболевание, и, следовательно, не имеющее способов лечения и лекарств.

- А что за болезнь?

- Один профессор назвал ее «Лизомия», даже какую-то работу написал, при этом даже не попытавшись нам помочь. Говорят, его за эту работу на Нобелевскую выдвигали.

- Я что-то такое слышал.

- Ну вот и начались наши мытарства. По началу лечили всем, что было, государство оплачивало, через год уже ничего не помогало, и понадобились зарубежные лекарства. Вот тогда мы и продали сначала машину, потом гараж, потом дачу, потом квартиру. При этом мы с мужем работали за пятерых: я на трех работах, он на вахтах безвылазно. Я его последний раз видела на пятнадцатилетие дочки. Одни лекарства сменялись другими, одни чеки сменяли новые, цифры росли, но Лизе лучше не становилось. Помню, как однажды пришла к ней, а в ее палате целый консилиум устроили, прямо при девочке обсуждая, как долго она еще продержится. Я тогда не выдержала, высказалась, хотя у меня родители из интеллигентов, тех самых, чьих предков чудом не угробили в двадцатых прошлого века. Но нас не выгнали, хотя, могли, лечение продолжалось, мы боролись, кто сочувствовал и хотел помочь, помогал, а я научилась ценить слова «друг» и «долг». Знаете, сейчас я могу по пальцам пересчитать тех, кого назову другом или подругой и вспомнить, за что я перед ними в долгу, причем неоплатном.

- Лучше быть уверенным в одном друге, чем заблуждаться в тысяче.

- Да. Также и в родственниках, да вообще в людях.

- А где ваш муж?

Ольга помрачнела, опустила взгляд, после, среагировав на радостный хохот дочери, повернула голову и посмотрела на нее, вновь возвращая себе улыбку.

- В прошлом году погиб на вахте, несчастный случай, правда, компания, где он работал, выплатила страховку и его зарплату, а также моральный и материальные по утрате кормильца и гибели на производстве, - слезы рванули по щекам с новой силой: - Эти деньги позволили нам продержаться до сегодняшнего дня, хотя, Лизонька должна была умереть за год до своего отца, так врачи говорили, но она у меня сильная, продержалась.

- Она сильная, - киваю: - Она не знает, да и мало кто знает, но когда я кого-нибудь вытаскиваю, то через меня проходит его сущность, и я вижу все, что было с этим человеком, точнее, самые тяжелые его воспоминания.

- Значит...

- Да, я видел и ощущал все, что было с Лизой.

- И вы так спокойно можете об этом говорить? – взгляд женщины был таким, как будто бы она увидела перед собой нечто ужасающее.

- Крик делу не поможет, это мое бремя, и мне его нести. А Лиза, хм, мы как бы породнились с ней, причем с другими я такой связи не ощущаю.

- Поэтому она вас называет папой, - Ольга закрыла глаза: - Она отца мало видела, несколько раз всего лишь, обычно пускали только одного родителя, у него выявили какую-то патологию или заразу, которая могла негативно сказаться на самочувствии дочери, вот он и не посещал ее. Всего лишь несколько раз и то в скафандре. Поэтому дочка подсознательно могла искать отца.

- И выбрала меня, - киваю, ибо противоречить логике матери себе дороже, пусть сама себя убедит, нежели кто-то: - Она для меня действительно нареченная дочь, как моя волчица.

- Волчица?

- Да, моя Белис тоже стала моей нареченной дочерью, правда это произошло по игровому сценарию, но для меня она на самом деле такая. Да и не игра здесь уже давно, сами видите же.

- Вижу, все как взаправду.

- Без как, все очень реально. Это и есть реальность, другой мир, сами же видите, просто признаться себе боитесь, держитесь за тот мир.

- Но тогда как все происходит, почему мы тут?

- Людям многие вещи неведомы, знаете ли, мы можем стоять посреди озера с живой водой и ссать в него.

- Вы правы, тогда, - глаза Ольги загорелись: - Тогда я тоже останусь здесь.

- Не стоит спешить, может, у вас остались там незавершенные дела? Что-то требующего разбирательства, после чего можно будет уйти?

- Дочь похоронить, нет, ее тело, что осталось там, рядом с отцом. А так, больше меня ничего не держит.

- Хм, а зачем хоронить живых? Вот она, бегают и радуются, знаете, оставайтесь, можете вместе с дочерью жить у меня во дворце, вы кто по специальности?

- У меня педагогические образования, оба высшие.

- Ну вот и замечательно, школа здесь имеется, специалисты ей не помешают, можете завтра же приступить.

- А как же?

- Перенос?

- Вы сильная и полная жизни женщина, боюсь, не смогу вас вырвать оттуда, но попробуйте воспользоваться браслетом, спросите у дочери, она покажет, где взять и что делать, вообще, она вас всему научит, сообразительная.

- Спасибо вам.

- Нет, это вам спасибо, - я вновь улыбнулся, вставая с лавки: - Поздравляю вас с новой жизнью, а мне нужно откланяться, дела не терпят промедлений. Не прощаюсь, до свидания.

- До свидания, - Ольга кивнула, слегка улыбнувшись и переводя свое внимание на дочь, не перестающую резвиться с друзьями.

Ольге я соврал, прикрывшись кучей дел, но говорить с ней мне тяжело, да и видеть, не знаю, наверное, все же, я не настолько очерствел за свою жизнь, как полагал когда-то. Давно уже не

обращал внимание ни на кого, точнее делал вид, что не замечаю, проходя мимо или же игнорируя, как, в принципе и остальные оказавшиеся поблизости с просящими о помощи. Тот мир напрочь сгнил, утратив духовность и принявшись пожирать самого себя. Перестали значить слова о чести и достоинстве, возвысились низменные желания, и тот, кто выше всех взобрался, достиг этого не за счет великого ума или служа народу, а потому, что грыз глотки всем подряд и перешагивал через тела.

Вроде бы все дела за сегодня сделать успел, и можно даже попытаться расслабиться, остается только понять, каким способом. Вариантов, само собой, куча, вот только какой выбрать, не знаю. Как говорится, чего-то хочется и не знаю кого. Да и раньше нашел бы я способ провести время, благодаря пропаганде здорового образа жизни, нужно было только сбегать в продуктовый и залезть в парочку шкафов-холодильников. А дальше телевизор, рюмка да бокал и по культурной программе: «Я не алкоголик, но отдохнуть с душой умею». И сейчас, вспоминая о былом, я больше соглашусь с фразой: «Водку придумали ради спаивания русских, чтобы они не захватили мир», хотя, я бы переиначил и сказал бы: «Водку придумали ради спаивания русских, чтобы они утратили свой мир».

Хотя, все это демагогия, ни к чему не ведущая, так, мысли и не более. Уж слишком все пафосно и аморфно, видимо, все-таки научили и заставили впитать в кровь, зомбируя из телевизора и обещая скорый подъем государства. Да и здесь пытаются достать и навесить то же самое, только второй раз в один и тот же хомут лезть с головой я не собираюсь. Поездили, хватит!

«Так, ладно, прочь всю эту хиромантию, найди себе дело!»

Легко сказать, да сложно сделать. Впервые у меня тупик в планах, ведь вроде бы все спланировал, поручения раздал, договора заключил, процесс идет, осталось только ждать, когда что-либо дойдет до того момента, когда нужно будет вмешаться или принять.

- Твою мать! - вскакиваю с трона, срываясь с места и на бегу вбивая команду в клановый чат: «Срочный сбор дружины на площади, огородить весь периметр, ограничить доступ посторонних, прибытие огромной посылки, подготовить надежное хранилище!!! Время прибытия 3 минуты!!!»

Судя по вострепнувшей караулу дворца, команда дошла до адресата. Протяжный тревожный вой поднялся над городом, донесся гул набата. А я, выбивая когтями задних лап искры, выскакивал через раскрывшиеся двери, прикидывая на бегу, что заодно и проверится скорость подъема по тревоге. Полезно, хотя, будучи когда-то срочнотрудовым, подобные тренировки не особо любил и никогда не думал, что буду их устраивать, но сейчас не тренировка, совсем не она.

Строгие порядки десятков вбегали на площадь, выстраивая огораживающий периметр. Массивные волки своим рычанием давали всем присутствующим понять, что требуется вспомнить о неотложных делах вне площади. Десятки стали сотней, сотни множилось, численность дружины росла с каждым стуком сердца, все без суеты, как будто бы делали такое каждый день по десятку раз. Счетчик войсковой численности отразил цифру в девять сотен и

четыре сотни волков, вставших внутренним периметром. Отборная Братия стояла, само собой, возле дворца, усиленная отборными тремя десятками самых сильных волков, возглавляемых Матриархом Белис, в сопровождении своих матерых дочерей, также облаченных в волчьи доспехи.

- Государь, - посреди площади стоял Воевода в сопровождении сотников, определяемых по шлемам, приближенным к шлему тысячника, каковым сейчас являлся Истислав: - По твоему приказу, дружина собрана по тревоге к установленному сроку! Отсутствуют служащие в карауле, дозорах и охране добычи!

Почти по центру вдруг открылась арка, и на площадь вступил гоблин в костюме банковского служащего, оценивающе и измеряющим взглядом оглядываясь, после чего одобрительно кивнул. Посреди площади от самого центра принялись материализоваться кладки слитков золота, принявшегося поблескивать на солнце.

С границ площади донеслись дружные восклицания, эмоции нецензурного содержания, количество любопытствующих увеличивалось в геометрической прогрессии. Золото все прибывало и прибывало, а я ощутил сильнейшее эмоциональное напряжение, возникшее вокруг за мгновение.

Отдавать команду на сдерживание не пришлось, дружина среагировала машинально, выставляя щиты плотной стеной, Воевода с сотниками принялись командовать, координируя и распределяя резервы для усиления особо тяжелых мест. Волки, скаясь, посылали эмоциональные всплески, дабы самые наседающие поняли, что их готовы приласкать в любую секунду. Но толпа разрасталась быстрее, чем доставлялось золото. А я все сильнее убеждался, что сотворил самую грандиозную свою глупость.

- Как дела? - спрашиваю у подошедшего Истислава.

- Лучше, как никогда, я точно уверен, где весь город, никого искать не надо, - Воевода ухмыльнулся.

- Так получилось, - развожу руками: - Малость не подумал, когда принимал решение.

- Государь, не буду спрашивать, почему это золото здесь, спрошу, куда его девать?

- Склады закончились?

- Да склады есть, токмо надеги в них нет, не для такого хранения они. Его обычно в банке хранят.

- Знаю, знаю, сгруппировал с этим, но в банке хранить более рискованно, мы свой создадим.

- Свой? - бровь Борислава приподнялась.

- Да. Ладно, раз сам эту кашу заварил, попробую ее и расхлебать. Кто у нас лучше всех знает о складах и тайниках управляемых?

- Знамо кто, Наместник Домовой.

- Ага, Сидырыч, где он?

- Звал, Государь? - тут же позади донесся голос Сидырыча.

- Ага, здорова, дело есть.

- Топор сварился, надо съесть, - буркнул Сидырыч: - Здравия всего, Государь, какое дело?

- Надо бы все это, - окидываю рукой ровно стоящие поддоны с золотыми слитками, судя по продолжающимся телепортам, еще поступившие не всем числом.

- А чего так мало? - взгляд Сидырыча был обиженным: - Тут-то всего-то на всего на три десятка простых пещерных тайников ну или 20456 сундуков с кладом.

- Сидырыч, если надо, можем еще попросить спрятать, - с серьезным видом обращаюсь к домовому: - Есть куда спрятать? Типа госхрана или моего личного тайника, что имеется во дворце?

- А про него откуда узнал? - взгляд Сидырыча принял удивленный вид.

- Друг один рассказал, так что?

- Так, если так, а потом так и тут вот так, а затем тудыть, а оттуда это туда, - пальцы Сидырыча последовательно загибались, а прищуренный глаз взирал куда-то за горизонт: - Есть сто тыщ? А чего это я спрашиваю, вон они лежат.

- Тебе по что?

- Тайничок княжеский расширить.

- Так много на расширение?

- Расширение да не совсем, если дашь, то потом покажу.

- Кляп с тобой, бери и себе на кафтан можешь взять.

- Кафтан? – вот сейчас Сидырыч действительно был удивлен.

- Ага, не полагается Наместнику Домовому ходить в простом, закажи себе..., что у вас там среди домовых ценится в общем, по вашей моде.

- Так, так, это, так, - Сидырыч пытался сглотнуть воздуха: - И шапку с сапогами, а трубку, трубку я сам вырежу!!!

- И шапку с сапогами, - одобрительно киваю: - Только как это потом доставить, куда надо?

- Так это, так это мы щас решим!!! – пронзительный свист разнесся над городом, поднимая стаи птиц, живших в соседнем пролеске.

Вокруг тут же начали появляться разномастные мужички, похожие и не очень на Сидырыча, но все поголовно бородатые, от чего возраст определить почти невозможно. Одежка у многих пошарпанная, но опрятная, постиранная, местами пестрели свежие заплатки.

- Ну что? – Сидырыч взглянул суровым взглядом: - Товарищи, тунеядцы, лентяи, оболтусы, кто желает поработать?

Фраза вызвала у меня удивление, но я тут же вспомнил, что с недавних пор открылся клуб быта и отдыха, в котором по вечерам бесплатно крутили фильмы советских киностудий, а по утрам после завтрака мультики для ребятни. И я уже начал замечать, как первоначально однотипная людская масса начала преобразовываться, развивалась индивидуальность, поднимались общечеловеческие взгляды, и теперь никому не нужно было объяснять, что такое колхоз, и для чего его требуется вводить. Вброшенный пакет политической информации эффективно обрабатывал массивную болванку общества, соединяя воедино разные миры и эпохи. Обязательно затребую провести вечера Славянской Славы, где покажут сказки и фильмы о Древней Руси, особо хочется вновь посмотреть «Русь Изначальная», «Илья Муромец» и «Василия Буслаева». Это им ближе и к месту, а потом «Александра Невского» еще черно-белого, хотя и цветного тоже. Вообще, Родичи посмотрят все, что смогли достать из закутков интернета, даже фильмы о полузабытой Великой Отечественной, пусть знают, как тяжело пришлось моему миру, и чего нельзя допускать. И чем больше они узнают, тем сложнее будет изменить их в будущем, пытаюсь переиначить, выроdit заложенное, потому как в пустую голову занести что-либо проще, чем уместить в полной.

- Итого, - голос гоблина-банкира заставил оторваться от накативших мечтательных размышлений: - 3683333 слитка золота по килограмму каждый высочайшей чистоты. Все доставлено в срок, вот здесь распишитесь.

- Спасибо, - делаю росчерк на пергаменте.

- Рады, что Вы воспользовались услугами нашего банка, ждем Вашего посещения, - поклонявшись и заматывая пергамент, гoblin зашагал назад, исчезая внутри распахнувшийся телепортной арки.

Домовые подхватывали по несколько кусков, клали в носилки, и, как те наполнялись десятком слитков, брались и исчезали, появляясь через несколько мгновений и вновь повторяя процесс переноса. А напряжение над площадью уже было на пределе, я и не заметил, как дружина усилилась, перейдя в боевые звероформы, внушая истинный страх попытавшимся пробиться к сокровенному и умереть за частицу металла. И только сейчас, обратив внимание на лохматых монстров, я заметил, что волки тоже изменились, увеличившись в размерах и обретя некую более свирепую внешность. Единственное, что их отличало от волколаков, это доспехи и положение на четырех лапах. Сегодня был не мой звездный час, а золота, охраняемого внушительными зверовоинами, и, я уверен, через считанные минуты, интернет взорвется от кучи скринов и видео, запечатлевших происходящее.

Взгляд зацепился за одну из примыкающих улиц, где в ограждении стояли не две-три шеренги отцепления, а пять, усиленных двумя десятками особо массивных оборотней. Выставленные щиты оцетинились острыми копьями, чтобы сдержать не наседающую толпу игроков, а целую конницу, застывшую и молчаливо наблюдающую за происходящим. Несколько десятков всадников в доспехах, причем не типовых для Североси, а свойских, наверняка сделанных на заказ и повторяющих виданные картинки с воинами Руси. Все, до единой мелочи один в один, никаких излишеств или же добавок, как у меня или же моих воинов. Чистой воды историческая репликация во всем до последнего ремешка, и эти люди сейчас, восседая на лошадях, наблюдали за площадью, точнее за мной, не отводя заинтересованного взгляда.

Мы встретились взглядами, и я ощутил, как внутри меня закипает кровь, требующая безудержного веселья, посылая полуистлевшие воспоминания былого ликования и ощущения всесильности в моменты опьянения боем. Доспехи закрипели, готовясь подстроиться под трансформу, но я сдержался, переведя свой взгляд в иное состояние, дабы посмотреть на привлечших внимание с иного ракурса.

Ауры пылали, источая сияние жизни, до меня долетели отголоски ликования сущностей, радующихся чему-то в данный момент. Черные нити, видимые мною над всеми обычными игроками, на кого бы не взглянул, над всадниками отсутствовали. Нет, они присутствовали, пытались дотянуться, обвивая белесые нити связей, но не достигали, истачиваясь и рассыпаясь. Я отвел взгляд на других игроков, находящихся в стороне, дабы сравнить, и заметил те же нити, но уверенно вцепившиеся в ауры, не у всех, но у многих. Перевожу взгляд на своих воинов, те буквально пылают, их ауры мечутся, стремясь вцепиться подобно огню очага, требующего еще топлива. Источаемая каждым сила опьяняла, долетающие до меня потоки вдруг пробудили ноющую боль в левой руке, будто бы онемевшей на мгновение и тут же принявшей отходить, прокачивая в сосудах застоявшуюся кровь. А вот золото, как и все безжизненный материал, утратило свою завораживающую красочность яркого металла, став неприглядно серым, и сейчас даже самая мелкая мошка была ярче любого куска золота...

- Государь, все золото доставлено в тайники, - Сидырыч отрапортовал, как только последние носилки исчезли с площади, вызывая новую волну негодования со стороны наблюдавших, так и не получивших халявы.

- Отлично, вечером всем домовым выкатить пять бочонков медовухи.

- Есть выкатить! - Сидырыч расплылся в довольной улыбке: - Разрешите отвалить?

- Разрешаю. Дружина, вольно! Тревога снята!

- Браты! – Борислав восторженно: - Молодца! Хвалю за службу! Разой-тись!

Заградительные кордоны разом распались, дружинники, строясь в десятки, соединялись в сотни и с маршем уходили с площади, оставалась лишь Братия, продолжавшая следить за происходящим. Да и несколько десятков волков не спешили отстраняться, ощущая медленно спадающее напряжение.

Пять оцетинившихся копьями линий отошли, открывая проход, и на площадь медленным шагом вошла конница, направившись прямо на меня. Первыми среагировала Братия, обступая меня со всех сторон и выстраиваясь стеной на передней линии, Стая тут же принялась стягиваться, ожидая малейшего знака на атаку.

Я же глядел на возглавлявшего колонну, миролюбиво улыбавшегося, но не отводившего поводья. По бокам обступили Борислав с Истиславом, и я был уверен, что позади меня как минимум еще несколько десятков Родичей, решивших задержаться и понаблюдать.

Лошадь остановилась в шаге от переднего края заслона, и всадник лихо, не взирая на пластинчатые доспехи, рослый щит и меч с палицей, спрыгнул с седла, снимая после приземления с головы шлем.

- Великий Князь, - басовитый голос обратился ко мне: - Дозволь обратиться к тебе.

- Обращайся, - произношу я, и преграждавшие дружинники тут же расступились.

- Великий Князь, моя вольная дружина собирается в поход, и мы просим тебя благословить нас на сие.

- Благословить? – удивленно переспрашиваю.

- Да. Благослови наше воинство на поход. Мы идем на зачистку одного из подземелий на землях твоих на пять сотен, и просим даровать нам благословение, как это делали князья русские испокон веков.

- Хм, на пять сотен, так я вижу вас не больше сотни.

- Да, нас сотня, но мы справимся, - воин улыбнулся: - Если бы не твой указ, мы бы продемонстрировали. Дашь нам благословение, Великий Князь?

- Как звать вас?

- Святорусы мы, вольная дружина.

- Благословляю вас, Святорусы на поход в землях моих, - тут же над каждым всадником появилось слабое сияние, опустившееся на них, доспехи и оружие заблестели, будто бы зеркальные.

- Благодарим тебя, Великий Князь, - воин поклонился: - И обязуемся принести десятину с удачного похода.

- Постой, не знаю, как тебя зовут, - я лукавил, видно мне имя.

- Переслав, из Нижнего.

- Переслав, не откажешься ли ты от помощи в походе?

- Помощи? Что ты имеешь в виду?

- Мне не нужна десятина, все добытое будет вашим, если вы возьмете с собой моих дружинников с волками, им не мешает очередной поход.

Переслав удивленно посмотрел, после чего обернулся к всадникам, некоторые из них кивнули.

- Мы будем рады, сколько ты выделишь?

- А сколько вы возьмете? - улыбнулся я: - Воевода, выдели в поход дружинников, Белис, волки не откажутся?

Дружный вой разнесся над площадью, от чего некоторые игроки шарахнулись в стороны.

- Ну вот и замечательно, Переслав, если вдруг захотите после похода еще зачистить какое Подземелье, моя дружина не откажется, и на то мое вам благословение, - вновь сияние над Святорусами.

- Благодарим, Великий Князь, - Переслав склонил голову и вновь вскочил в седло, отъезжая в сторону, отвлекаемый одним из сотников, принявшихся обсуждать численность подкрепления.

- Знаешь их? - обращаюсь к Воеводе.

- Само собой, - удивился вопросу Истислав: - Намедни пришли, уплатили пошлину на закладку поселения на землях, строятся неподалеку от города, все делают по уму, дома рубленые, стены, как ты тогда предлагал из земли и мореных бревен. С оружием справляются знатно,

среди них много женщин и детей.

Я взглядом вдруг зацепился за руку одного из всадников, поднявшего ту выше головы и заметил черно-белый отблеск знакомого света.

Междуглавие

Тяжелые серые облака перекатывались друг через друга, почти соприкасаясь с темным зеркалом воды, простирающимся от горизонта до горизонта. Блеклый свет пробивается сквозь плотную завесу, отражаясь от водяной пленки и рассеиваясь в серости окружающего бытия.

Каждый шаг по воде не порождает звуков, ноги не уходят вглубь стихии, будто бы не вода вовсе, но земля. Шаг за шагом вызывают больше тревоги, ибо внутри бушуют мысли, наполненные уверенностью в том, что он должен плыть, а не идти, но очередной шаг вперед доказывает обратное.

Вокруг никого, движение мироздания не порождает никаких звуков, попытки кричать наполнены лишь тишиной, и даже в правой руке полуторный меч, объятый оранжевым пламенем, не издает ни единого звука.

Кажется, он уже вечность идет по воде, и ничего не изменилось: бесконечно простирающиеся свинцовые облака над бесконечно гладким зеркалом водной глади. Ничего вокруг, лишь вечное одиночество.

<http://tl.rulate.ru/book/28868/1229310>